

Философия сознания в когнитивных исследованиях: парадигма? методологическая программа? практическая философия?

Даже при определении места философии сознания в корпусе когнитивных исследований (под когнитивными исследованиями понимают междисциплинарные исследования приобретения, хранения, преобразования и применения знаний, базирующиеся на интерпретации сознания в терминах структур ментальных репрезентаций и алгоритмических процедур в этих структурах, при этом ментальные репрезентации понимаются по аналогии с базами данных) единства нет. Формулировка «составная часть» явно не достаточна — безусловно, в общую работу философия сознания вовлечена, однако, вряд ли стоит изначально ставить знак равенства между этой вовлеченностью и вовлеченностью лингвистики или нейрофизиологии. Привычные же формулировки «методологическая программа» (в данном случае — когнитивных исследований) или даже «парадигма» явно не работают¹.

«Парадигма» предполагает, помимо символических обобщений, или законов, устойчивые модели и онтологические интерпретации, а также образцы решения проблем. Ни первым, ни вторым, ни третьим философия сознания похвастаться не может. Вместо набора законов нам предлагают набор проблемных ситуаций (про Мэри, про летучую мышь, про китайскую комнату — чего здесь только нет!), предполагающих различные интерпретации. Вместо устойчивых моделей — скорее, список вопросов, по которым как по плате в режиме «да-нет» пробегают разные когнитивные исследования. Поэтому стратегий философского дискурса здесь не одна и не две, а десятки. Список вопросов, на которые шаг за шагом дается ответ «да» или «нет», П. Фогард² предлагает представлять следующим образом:

Являются ли наши познавательные алгоритмы врожденными или приобретенными?³

Представимы ли эти алгоритмы как структура языка или как более сложная, коннекционистская архитектура?

Как реальный мир преобразуется в те визуальные образы или вербально организованные образцы, с которыми работает наш ум?

«Работает» ли наш ум визуальными образами или «вербализованно»?⁴

Как ментальные репрезентации обретают значение? Зависит ли оно от взаимоотношений в системе представлений, от отношений с миром или является лишь конструктором сообщества, использующего данные репрезентации?

¹ Конечно, в рамках конструктивистской философии вопрос о специфическом месте философии сознания в общем корпусе исследований лишен смысла — необходимо лишь исследовать, какие условия и операции привели к тому или иному решению; однако мы попробуем рассмотреть этот вопрос в рамках других концепций, ибо подобный вопрос продуктивен.

² Thagard P. Cognitive science // Stanford Encyclopedia of Philosophy.

³ Непривычно для отечественного читателя звучат утверждения сторонников «врожденности алгоритмов» — например, название известной книги американского лингвиста С. Пинкера «Языковой инстинкт».

⁴ Спор о природе образов продолжался несколько десятилетий. Интересно, что точка зрения в этой дискуссии коррелирует с особенностями зрительных образов участников и различиями в их подготовке, причем сторонники идеи образа — в основном гуманитарии и биологи, а их оппоненты — в большинстве своем знатоки математики и программирования.

Как возможно понимание других людей — за счет того же самого познавательного алгоритма или просто возможности подражать им?

Являются ли ментальные состояния продуктом мозга или могут быть реализованы различным образом на другой основе? Каково взаимоотношение психологии и нейрофизиологии?

Являются ли человеческие действия свободными или предопределены физиологическими процессами в мозге?

Обусловлены ли моральные суждения нашим умом/устройством мозга?

Возможно ли конципирование эмоции в предложенных алгоритмах, и какова роль эмоций в мышлении?

Мы видим, что изменяется само понимание идеи философских принципов науки. Скорее, речь идет не о принципах, а философской «плате» (по аналогии с компьютерной) принципов. Комбинации принципов различны в различных стратегиях.

Разговор же об образцах решения проблем (которые являются необходимой частью парадигмы) сразу вызывает улыбку: ведь выбор того или иного из принципов как раз подчинен новому решению новой задачи. Зачастую речь идет о группе исследователей — представителей различных областей науки (компьютерщиков, психологов, лингвистов, философов и т.д.), перед которыми стоит конкретная исследовательская задача (например, выявить набор минимальных признаков, которые заставляет нас предположить, что мы имеем дело не с роботом, а с человеком); в процессе исследования происходит «непосредственное» взаимодействие различных теоретических подходов и различных областей знания; в результате решается не только конкретная исследовательская задача и дается ответ на конкретный вопрос, но и уточняются философские аспекты различных наук.

Приходится признать полную «нерабочесть» понятия парадигмы при описании взаимоотношений философии сознания и когнитивных исследований.

Та же участь уготована и «методологической программе». Последняя предполагает твердое ядро («отрицательную эвристику»), или неизменные теоретические положения; «положительной эвристикой» определяется программа, в которую входит система различных более конкретных моделей мира. Конечно, с некоторой натяжкой можно сказать о том, что сама идея имитации работы сознания (в ее четырех известных вариантах: *hard*, *soft*, модулярная система, коннекционизм) является этим твердым ядром. Однако выше мы писали, что философия сознания представляет собой набор различных стратегий ответов на общие вопросы, ответов, противоречащих друг другу. Представить себе в роли программы систему противоречащих друг другу моделей Лакатос не смог бы и в страшном сне. Достаточно вспомнить, как настойчиво он пишет о том, что «непротиворечивость должна оставаться важнейшим регулятивным принципом (стоящим вне и выше требования прогрессивного сдвига проблем)»¹.

Можно было бы вспомнить и о знаменитом принципе «сгодится все», но и П. Фейерабенду философия сознания готовит сюрприз — знаменитая идея о несоизмеримости научных теорий не работает. Различие содержания дескриптивных терминов, различие языка наблюдения и вообще детерминация теорией смысла решаемых проблем, методов решения, эмпирических процедур и даже фактов не мешает теориям в рамках когнитивного подхода «взаимодействовать» в самых разных смыслах этого слова.

Приведем пример: рассмотрим поближе это взаимодействие на примере формирования одной междисциплинарной когнитивной теории — теории фреймов.

¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С. 98.

Теория фреймов — направление когнитивных исследований в лингвистике, социологии, коммуникативистике, базовой идеей которого является существование «рамки» (frame) организации и восприятия информации. Возникает в 70-е годы в компьютерных науках (М. Мински), лингвистике (Р. Шенк, Б. Бирнбаум) и социологии (И. Гофман). Авторы лингвистической теории фреймов (Р. Шенк, Б. Бирнбаум) исходят из допущения, что для восприятия предложения необходим ориентированный на фреймы сценарий, который представляет собой структуру для понимания смысла предложения. Фрейм любого вида — это та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов. В восприятии «работают» именно фреймы. Благодаря этому даже отдельное предложение подвергается анализу, во-первых, и сразу «обрастает» дополнительной информацией, во-вторых. Например, услышав предложение «Джон купил себе новый телевизор в «Мэйси»», мы знаем, что у Джона есть телевизор, что он выбирал покупку, потратил деньги, что Джон — не ребенок, т.к. он произвел покупку и т.д. Фреймы организуются в конфигурации организации памяти (КОП) — более общую комбинацию обыденного опыта, позволяющую структурировать и организовывать информацию. Тот же фрейм «покупка» может входить в КОП «визит к врачу», «обучение» и т.д. Эти идеи позволили существенно продвинуться вперед в компьютерном моделировании языка.

В социологии И. Гофман заинтересовался идеей представления нашего опыта как системы фреймов. Однако его интересует не проблемы формального представления информации в рамках фрейма, а «схема» оперирования с действительностью, задаваемая организацией фрейма. Под «фреймом» он начинает понимать надындивидуальный шаблон устоявшихся норм поведения в определенной ситуации. Автора интересуют «переключения», т.е. тот или иной вид имитации, умышленной «переделки» опыта первичного фрейма. Он выделяет пять основных типов «переключения»:

Имитация (make-believe) — то, что участники считают показной имитацией относительно непревращенной деятельности, например, ритуальные танцы, имитирующие охоту и обучающие этой деятельности.

Состязания (contests) — спортивные и прочие виды соперничества, прообразом которых является драка; в отличие от нее они регламентированы правилами.

Церемониалы (ceremonials) — виды социальных ритуалов, таких как, например, венчание, похороны, присвоение званий и т. д.

Техническая переналадка (technical redoing) — сюда относятся всевозможного рода тренировки, демонстрации, эксперименты — все то, что «учит обращаться» с действительностью. Сюда же Гофман относит инструктивные записи (replicative records) — записи, свидетельства, с помощью которых возможно воспроизвести определенный фрагмент деятельности как факт прошлого.

Пересадка (regrounding) — выход за пределы привычной деятельности, необходимость заняться чем-то не свойственным данному человеку. Примером этого может быть работа в свободное время на дачном участке, искупительные религиозные наказания и т. д.

Например, безобидное на первый взгляд словосочетание «борьба с инфляцией» помещает такое явление, как инфляция, в рамки «соперничества»; автоматическими выводами будут, например, заключения, что инфляция является врагом, случайно оказавшимся на нашей территории и, следовательно, ее можно убрать из жизни; что с инфляцией можно бороться или можно ей потакать и т.д.; тем самым задается шаблон наших возможных действий в отношении нее, который к тому же допускает только определенные действия, а ряд действий делает «немыслимыми». Использование фреймов, т.о., организует возможную сферу нашего опыта.

Теперь посмотрим поближе на этот переход в другую сферу. Это напоминает ситуации продуктивного понимания в науке, когда одна идея «наталкивает» на другую.

Строгих отношений выводимости между ними нет; это, скорее, некоторое схватывание «смысла» и его трансформация. Причем затрагивающая обе взаимодействующие в этой теории. Можно было бы воспользоваться научным термином «семейное сходство» Л. Витгенштейна, но он не продвигает нас в прояснении процесса.

Шенка интересует в первую очередь именно структурирование информации внутри фрейма, причем представить это структурирование он хочет формально-логически. Гофмана будет интересовать лишь некоторые структуры внутри фрейма, которые остаются значимыми при перенесении (борьба предполагает соперника, борьба предполагает уничтожение соперника; странно было бы представить себе Гофмана за решением вопроса, как соотносятся соперник и уничтожение внутри структуры фрейма — а для Шенка именно этот вопрос в первую очередь имел бы смысл).

Не менее странной выглядела бы дискуссия Шенка и Горфмана о природе фрейма: ее просто не может быть в рамках когнитивного подхода. При этом обязательная «материалистическая» интерпретация фреймов у Гофмана (в основе фрейма — действие в реальном мире, имеющее реальные последствия и т.д.) вовсе не требуется в концепции Шенка.

В результате складываются специфические отношения с философией. В нашем случае теории фреймов в лингвистике и социологии опираются на разные философские допущения. Возникает специфическая «философия для модели»: нет единого набора общих философских допущений; есть реестр важных вопросов, по которым как по плате по принципу «да-нет» пробегают разные когнитивные исследования. Это несколько не мешает им взаимообогащать друг друга, да и просто «вести диалог». Список этих различий можно продолжить.

Теперь пора констатировать: философия сознания работает как «философская плата основных вопросов», порождая не одну и не две — десятки возможных комбинаций концептуализаций сознания. Это позволяет ей легко «включаться» в практические исследования сознания и только так быть для них не регулятивом, а генератором новых стратегий. Образ занудного толкователя научных результатов и оценщика (в том числе идеологического) никак не вяжется с философией сознания.

За счет чего это возможно?

Не претендуя на полноту решения проблемы, обратим внимание на некоторые принципиальные моменты.

Заметим, что эксперимент когнитивных исследований процессуален — даже проблемы заданы как модельные ситуации. Когнитивное исследование предполагает экспериментальные данные, но эксперимент должен фиксировать не только результат, но и процессуальность «работы» сознания. Оптимальным экспериментом здесь будет эксперимент-задание (в качестве примера приведем известный тест изменения концентрации внимания Д. Абельса, когда испытуемому предлагают 60 карточек с цифрами и называют два числа; его задача — выбрать и собрать в одну стопку те карточки, на которых встречается одно из двух заданных чисел, а во вторую — те, на которых встречаются либо оба числа сразу, либо нет ни того, ни другого; замеряется время выполнения задания и количество ошибок. Именно из этого проистекает и требование: эксперимент должен позволять вести наблюдения вне рамок языка «внутреннего содержания» психики и фиксировать наблюдаемое физически (например, нельзя использовать понятия «грусть», «веселье», «любовь» и т.д.). Изящный шарж на такого рода исследования представляет современный английский писатель Д. Лодж в своем романе «Думают...» («Thinks...»). Один из его героев, видный профессор-когнитивист Ральф Мессенджер руководит аспирантским проектом «Материнская любовь», с которым и знакомит приятельницу-писательницу. Любовь — понятие языка «внутреннего содержания» психики. Впечатления от того, как она представляема на допустимом, «когнитивистском» языке,

писательница доверяет своему дневнику: «Какая-то усовершенствованная компьютерная игра. Иконка в форме женского тела, символизирующая мать, и иконки поменьше, символизирующие детей, которых нужно кормить, одевать и контролировать. Они все норовили то провалиться в пруд, то обвариться, а потом выбежать из дома и выскочить на дорогу, а бедной матери постоянно приходилось принимать решения, куда бежать, что делать в первую очередь: кормить голодного А или вытаскивать из-под колес В... и тому подобная чепуха... трудно представить себе более далекое от реальности описание материнских чувств. Наверно, я рассмеялась слишком громко... Ральф, кажется, занервничал. Он сказал, что это всего лишь экспериментальная модель, к тому же начальная стадия разработки»¹. Самое парадоксальное состоит здесь в том, что такое процессуальное и «объективизированное» моделирование не только «материнской любви», но и морали и других подобных материй действительно оказывается продуктивным в описании человеческого поведения. Мы наблюдаем, например, тенденцию понимания ценностей как ключевых моментов стратегии поведения².

При этом закономерен вопрос: представляет ли любая из созданных на основе интерпретации экспериментов моделей «работу ума», как она действительно протекает или совпадает с ней только тем, что мы на выходе имеем тот же результат? То есть имеем ли мы право говорить, что представленная модель — это и есть работа ума «как она есть» или просто алгоритм, выдающий те же результаты, что и «реальная» работа? Даже сторонники версии «воспроизводства деятельности ума» (они не являются большинством) обращают наше внимание на то, что мы «наблюдаем» только результаты и в лучшем случае (например, при томографическом сканировании работы мозга) некоторые «следы». Поэтому реальные процессы если и воспроизводятся, то приблизительно; модели открыты дальнейшим уточнениям и изменениям; радикальные изменения не исключаются. Большинство же склонно говорить, что речь идет о модели, которая совпадает с реальной работой тем, что на выходе мы имеем тот же результат, какой выдаст «работа» человеческого ума в данных обстоятельствах при данной задаче. В течение последних 30 лет темпы создания формальных моделей намного превышали скорость, с которой они проверялись. Дж.Р. Андерсон предложил в этой связи «теорему мимикрии»: любую систему эмпирических данных можно описать множественно — все зависит от того, что взято за «ментальный элемент» и какие предложены «ментальные акты».

Эти два момента — «процессуальный эксперимент» и «внешнее моделирование», т.е. претендующие на совпадение с работой ума лишь «на выходе», позволяют по-иному понять роль философской интервенции в исследовании.

Условно можно представить три фазы развития философских систем. Системы первой фазы предполагают базовые принципы, основные законы и разворачивающиеся следствия из них (классический пример — кантовская философия). Системы второй фазы — это алгоритмы (яркий представитель этого типа систем — структурализм варианта К. Леви-Строса). Системы третьей фазы сами описываются лучше всего в терминах синергетики и т.д. Теория сама является процессуальной. Философия сознания не случайно представлена в массовом философском и околофилософском сознании как набор примеров — про Мэри, летучих мышей и т.д. Ведущееся в рамках информационного подхода моделирование имеет услов-

¹ Лодж. Д. Думают... М., 2009. С. 131.

² Эта тенденция характерна не только для философии сознания. Можно указать и на книгу сторонника эволюционной теории познания М. Хаузера «Мораль и разум. Как природа создала наше универсальное чувство добра и зла», М., 2009, и на работы американского политолога, руководителя «Всемирных опросов ценностных ориентаций» Р. Инглхарта (в частности, см. *Inglehart K. Modernization and Postmodernization...* Princeton University Press, 1997 и др.

но выделенный реестр ключевых проблем. Мы видим, что изменяется само понимание идеи философских принципов науки. Скорее, речь идет не о принципах, а философской «плате» (по аналогии с компьютерной) принципов. Несмотря на то, что комбинации принципов различны в различных стратегиях, возможны независимые от них и значимые в любой этой стратегии результаты (устанавливаемые экспериментально).

Даже реестр основных проблем в таком случае — это не ключевые моменты работы сознания, а ключевые моменты наших современных разговоров о сознании, и ничто не мешает им радикально меняться с течением времени.

В результате мы имеем философскую теорию нового типа, довольно непривычную нашим философам. Надо бы приветствовать ту самую практическую философию — но она кажется почему-то «недофилософией». Ее предлагают спасти или превращением в теории первой фазы, предложив систематическое рассмотрение проблем и найдя единственно возможное их правильное решение, которое и будет правильным пониманием сознания. Или предлагают дальше «эмпиризировать» философию сознания, рассматривая в процессе исследования, например, роль тела и природного окружения, роль социализации в формировании человеческого поведения и т.д. Это явное «подтягивание» философии сознания к идее алгоритма, свойственной второй фазе. Эти разговоры поддерживаются пробуксовкой самого когнитивного подхода (ведь уже в середине 1980-х годов значительное число авторов стало критически оценивать соотношение затраченных усилий и реального прогресса).

Давайте не будем архаизировать философию сознания. Это та самая новая практическая философия, о которой давно говорили. Единственный адекватный способ ее развития — та самая вовлеченность в когнитивные исследования, которая и позволит философии сознания существовать и развиваться.